

Старший научный сотрудник
Отдела рукописных и редких книг
Псковского музея-заповедника
Васильева З.К.

Дневник Николая Модестовича Брадиса, участника I Мировой войны.

К 100-летию I Мировой войны (1914-1918 гг.)

В Псковском музее-заповеднике, в фонде ученого-математика, автора знаменитых «Четырехзначных математических таблиц» Владимира Модестовича Брадиса хранится документ I Мировой войны – дневник прапорщика Николая Модестовича Брадиса, участника боевых действий в Карпатах. Карпатская операция явилась отвлечением русских сил от действий против главного противника Германии, была на руку союзникам Франции и Англии и присоединившейся к ним Америке, так как война затянулась – России это было не выгодно – и было губительно для России, так как она потеряла боеспособность лучшей половины ее вооруженных сил.

Елизавета Васильевна (1860-1941) и Модест Васильевич (1861-1910) Брадисы – мать и отец Николая Брадиса.

Коля Брадис родился 12 января 1894 году в большой и дружной семье Модеста Васильевича и Елизаветы Васильевны Брадисов. В семье было шестеро детей. Володя (1890-1975), профессор, ученый математик, создатель знаменитых «Четарехзначных математических таблиц»; Ксения (1892-1943); Николай (1894-1915) (обычно о нем говорили - погиб на фронте 1-ой Мировой войны; Александра (1895-1983) – жила в Москве; Елизавета (1900-1975) – второй профессор из этой семьи, ученый-болотовед, жила в Киеве, работала в Академии наук Украинской ССР и последний - Василий (1904 г. р.). Родители работали учителями Александровского Петрово-Посадского училища, которое располагалось на Старо-Новгородской дороге, сейчас ул. Л. Толстого (в районе 9 школы). Это были народные учителя своего времени, которые много времени, сил, ума и энергии отдавали не только воспитанию своих детей, но и молодого поколения псковичей начала XX века.

Дети Е. В. и М. В. Брадисов. Слева направо: Владимир (1890-1975); Ксения (1892-1943); Николай (1894-1915); Александра (1895-1983); Елизавета (1900-1975); Василий (1904 г. р).

Коля был третьим ребенком. Пройдя подготовку в школе, он в 1904 году поступил в Псковскую Губернскую мужскую гимназию. Ему очень повезло. С ним учились Август Летавет (1893-1984), исследователь в области гигиены и физиологии труда, медицинской радиологии; Лев Зильбер (1894-1966) крупнейший микробиолог, иммунолог, вирусолог, основоположник санитарно-эпидемиологической службы, а также с его именем связаны новейшие открытия в онкологии; Юрий Тынянов, писатель, литературовед и многие другие ученики, которые стали для него настоящими друзьями. Очень хорошо о юношеской

дружбе сказал Август Летавет: «Я думаю, что важным фактором в школьной жизни является дружба. Когда я вспоминаю те далекие годы, я неизбежно убеждаюсь в этом. Нас – группу учеников параллельных классов «а» и «б» объединяла крепкая юношеская дружба. В эту группу входили Юрий Тынянов, Лев Зильбер, Леша Агеев, Коля Брадис, Лева Кинбер, Федя Строков и другие. Эта дружба с горячими спорами по поводу всего, что волновало, спаяла нас, помогала нам идти с ясным взглядом сквозь полную волнений юношескую жизнь, помогала и хорошо учиться». В гимназии это была группа единомышленников. У них были общие интересы, увлечения. Их сближало радость сердечного общения, юношеское романтическое ощущение жизни, любовь к поэзии, любовь к природе. Все они неплохо учились. После окончания гимназии в 1912 году многие из них поступили в высшие учебные заведения и не только России. Николай Брадис, Лев Зильбер и Юрий Тынянов поступили в Санкт-Петербургский университет. Тынянов Ю. Н. на филологический факультет, Лев Зильбер на естественный, а Коля Брадис на физико-математический (предположительно). Их дружба не прерывалась, теперь их связывал Санкт-Петербург. Из переписки Коли с друзьями и писем к матери узнаем некоторые подробности его жизни. Документов в фонде не сохранилось.

Коля и Шурочка Брадисы. [1900-1901гг.].

1912 г. Николай Брадис в Санкт-Петербурге. Живет в семье Алексея Садовень, дает уроки его сестре Верочке. Маме он в это время пишет: «В Университет хожу каждый день и намерен ходить впредь также. Можно бы было обойтись без этого, но во-первых это облегчит учебу, а потом профессора сообщают попутно много такого чего нет в лекциях. Например: проф. Хвольсон (очень напоминает А. И. Турбина – преподаватель физики в гимназии) начал курс изложением теории относительности – грандиозная вещь. Сегодня проф. Ипатьев (химия) – говорил о радиации и электронах, читал очень интересно. Хожу в университет – вернее езжу с удовольствием. Скоро начну практические занятия по физике и кристаллографии. Это меня очень интересует».

1913 г. Коля учится, занимается Землячеством. В августе 1913 года он обещал приехать к Юрию Тынянову на каникулы, но этого не получилось, и друзья в шуточной форме в письмах ругают его за это, а также за то, что он не отвечает на их письма. Многое объясняет письмо от 11 марта 1914 года.

Николай Брадис после окончания Псковской мужской гимназии в 1912 г.

1914 г. В нем Николай Брадис пишет маме: «Извини пожалуйста, что я так упорно молчал. Прямо не знаю, почему-то не мог себя заставить написать ни тебе, никому другому. Почему? Не знаю. Ко всему у меня была какая-то апатия. Наука, за которую взялся было, не привлекает, земляческие дела прямо опротивели, отбояриваюсь от них руками и ногами. Второе то понятно, потому что работать в пустую никому не доставит особенного удовольствия, а публика наша, в общем, такая, что прямо руки опускаются. Ну, это то дело маленькое, а вот плохо, что я с наукой больно не лажу. Не знаю почему, но не могу за нее приняться как следует. А если и сажусь, то хватает недели на две, не больше. Чему приписать это не знаю. Может быть, потому что у меня совершенно нет привычки к труду. А это действительно так. Гимназия меня, или вернее я в гимназии совершенно отвык от регулярного, систематического и осознанного труда. Начиная чуть ли не со второго класса гимназии я не занимался как следует никогда. Все это было у меня как-то толчками, когда хорошо, а когда и вовсе плохо. Ты сама хорошо знаешь эту порывистость. Как мне от нее избавиться, и не знаю. Думал, что на науке это будет легче всего достигнуть, но вышло не так. Я уже стал терять веру в свои способности и усидчивость. Но усидчивость у меня есть, если только мое внимание направлено на то, что необходимо исполнить. И способностями кажется не обижен. Но я совершенно не развил в себе волю и к, тому же, совершенно не развит, к сожалению, это так. Потом у меня пропала охота к наукам математическим, если только она была. А охота это единственное, что могло подвигать меня к изучению их. Другого же стремления у меня пока нет, надо подождать, пока придет. Я думаю, что моя летняя работа, ты ведь знаешь, что я получил приглашение в Чернигов, так или иначе повлияет на меня, а если и ея будет мало, то все-таки можно найти способ определиться». Из этого письма видно, что все лето 1913 года он проработал на статистике. И теперь его приглашают на работу в Чернигов. Здесь еще нужно сказать о том, что в январе этого года, он просил мать сходить к местному статистику Кислякову Н. М. и спросить у него, может ли Коля рассчитывать на его рекомендацию при поступлении в статистику Чернигова, Смоленска или Тверской губернии, а в этом письме он просит мать: «Если увидишь Н. М., поблагодари его за его любезное содействие. Приеду, схожу сам на поклон, испрошу советов».

Приехав на пасху домой, он нашел там Почтовую карточку от 2 апреля 1914 г. на адрес: г. Псков, Гоголевская, 47. Ник. Мод. Брадису. «Милостивый государь, Ник. Мод.! Извещаю Вас, Вы зачислены на работы по собиранию оценочно-статистических сведений в Черниговской Губернии и можете прибыть на работу тотчас после Пасхи. Зав.Оц.-стат. Бюро Н. Черненко». 13 апреля 1914 г. он уезжает из дома на работу в Чернигов. Этой работой он доволен, выполняет работу с удовольствием и увлечённостью, хотя ему

приходится преодолевать трудности, болезни. Все это известно из писем «мамочке» от 29 апреля и 23 мая. В последнем письме он сообщает, что 10 июня будет в Чернигове. А далее в другую волость. Следующее письмо из г. Новгород-Северского от 20-22 июня 1914 г. Вполне возможно работа его продолжалась до июля и даже в июле. Больше писем нет.

28 июля началась война России с Германией – Первая Мировая. Август никаких сведений нет. Следующая Почтовая карточка 15 сентября 1914 года из г. Луга, в то время он относился к Санкт-Петербургу. «Дорогая мамочка! Тебя, наверное, удивляет мое молчание. Не хотелось писать, пока не определится положение. Дело в том, что мои бумаги задержались. Мне пришлось прожить два дня (до субботы) в городе... В субботу наконец получил бумаги, и я переселился в казармы. Пока не хочется писать о впечатлениях, надо будет разобраться. Пишите мне по адресу: 1 запасной артиллерийский дивизион, 2-ая батарея. Вольнопр. Брадису. Можете посылать без марки». Николай Брадис стал вольноопределяющимся – нижний чин Российской армии для добровольцев. Обязательному призыву Коля не подлежал, а пошел в армию добровольцем.

Группа выпускников школы прапорщиков 1915 г. Сидит первый Николай Брадис.

Учеба составила 4 месяца и где-то 15 января 1915 года он из Пскова едет в Ивангород к месту назначения, где было получено распоряжение, распределить их по 6 запасным батальонам. «Нашей лужской компании удалось попасть в одно место, получили напутствие от генерала, командующего бригадой, отправились на вокзал. Поезд на Новую-Александррию уходил около 8 ч. в[ечера]. ... Приехали в Новую-Александррию в 9,5 ч. Переночевали и утром пошли в канцелярию. Представились батальонному и получили назначение в роты». Здесь нужно сказать о легенде фотографии 10 + 1, о которой Коля упоминает в дневнике. «Наши» это 10 человек лужан-добровольцев и Николай Брадис. При распределении все пошли в Ивангород и здесь опять попали в один батальон [в г. Новую-Александррию]. Держимся уже 5 месяцев». Сфотографировались. Вскоре 7 человек молодых офицеров забрали на пополнение одной из действующих дивизий. «Как раз выбор пал на наших и теперь нас осталось печальных 4, а не 11 веселых», пишет Коля в письме от 9-16 февраля 1915 г. Почти месяц еще Николай оставался в Новой Александррии, обучая молодых солдат. 5 марта 1915 года он сообщает матери: «Дорогая мамочка! Прибыл сегодня на постоянное место жительства. Нахожусь в 41-ом Селингинском полку хотя до него еще не пристроился. Дня 2 или 3 пробуду при одном из Батальонов Охотского полка, который находится на отдыхе при штабе. Наш полк находится в действии, так нас сразу не хотят туда. Пальба идет за 5-6 верст. Хорошо слышна и ружейная перестрелка. Напишу завтра, если будет время. Сегодня устал. 16 верст пешком и т. д.»

Письмо как Вы помните от 5 марта 1915 года, а через 15 дней он напишет первые строчки своего дневника.

Сам дневник состоит из 3-х частей. Это листы разных блокнотов небольшого размера и записной книжки. Первая часть с 1 по 38 лист – это листы разбрушерованного блокнота с перфорацией наверху, размером 15,3 x 9,7 см; вторая часть состоит из двух фрагментов записной книжки без обложки: а) листы с 39 по 46 и б) с 47 по 63 лист, размером 13,6 x 9 см; 3-я часть самая маленькая состояла из 11 листов вырванных из блокнота, размером 15,3 x 9,7 см, из которых до нас дошло всего 5 листов, листы 3-8 отсутствуют. Всего в дневнике 68 листов.

Листы дневника в клеточку, загрязнены, края листов в заламах и порывах. На многих листах следы крови. Последняя запись в дневнике за 13 мая 1915 года, она оканчивается недописанной строкой...

Дневник написан с соблюдением правил орфографии, существовавших до 1918 года, буква "ять" – убрана из текста, авторская орфография и пунктуация сохранены.

Первая запись за 20 марта 1915 года, перед ней вступление, в котором Николай Брадис повествует, почему он начинает писать свой дневник. «Всякий человек, начиная с

ранних годов пробует писать дневник. В большинстве случаев – это обезьянничанье. Прочтет в книге или слышит от старших – ну и пишет. Я пробовал несколько раз начинать писать, но не хватало выдержки, всегда очень скоро бросал. Теперь же у меня достаточно свободного времени, много новых впечатлений, я чувствую, что очень многое пропадет для меня бесследно такого, что было бы интересно вспомнить потом (буде жив останешься). Прошлые годы гимназические и студенческие прошли так? Бесследно, что те прямо жаль. Вот и надумал писать дневник. Это заставит и подумать немного, отчасти приучить к пунктуальности и оставит какое-нибудь воспоминание о прошедшей жизни».

В дневнике много личного – душевных переживаний, впечатлений, эмоций, любви к природе. Коля Брадис был слишком молод и неопытен (ему было всего 21 год), а реальная жизнь – жестока и беспощадна. Его слог прост и незатейлив, чувства искренни. Но поражаешься, как много он уже знает, как широк его кругозор. Описания событий в дневнике дороги нам как свидетельства очевидца, как живые строки истории, которые невозможно переписать набело.

«Я на войне, - пишет Николай Брадис Сегодня уже почти две недели сижу на позиции и копчу серое, снежное Калужское небо... Обстановка – сарай свинушник. Щели на белый свет, продувает. На дворе снег – но не холодно. Не думал я, когда сюда [ехал], что такая здесь погода будет. Ведь это на широте Чернигова кажется, зато горы влияют». Описания природы каждый день помогают рассказам о событиях военных действий, впечатлениям автора. Он молод, но уже понимает, что за солдат нужно отвечать. «Ночью конечно пришлось несколько раз проверять бдительность, но удалось и поспать несколько часов. Ночь была великолепна. Вчера весь день шел снег, - но было тепло. К вечеру же прояснило, да завернул такой мороз, что с непривычки уши мерзли. Луна взошла часов в 9. Пока не взошла луна, группы солдат у костров представляли замечательно живописное зрелище. Можно бы было залюбоваться: огонь костра на снегу и великолепное небо. Но когда подумаешь, что и как, и почему все это – на душе делается не особенно хорошо». А далее о солдатах он пишет: «А дичаешь от этой жизни. Если бы солдат был приличный ничего бы. А с этим нет никаких сил справиться. Научился ругаться здесь так, как никогда не думал ругаться. ... Утром посидел с солдатами в окопе, поговорили ладком. А вышел после обеда поверить наблюдателей – ни один из них толком не стоит, да еще каждый отпирается, «я мол смотрю да я не сижу. Вот, говорят, что в военное время строго. Да если бы в мирное время солдат делал столько и таких проступков, так половина бы армии была бы в дисциплинарных батальонах или еще дальше». Очень критичен к себе. «Да и сам я себя не узнаю. Конечно я знал, что придется сталкиваться с разной публикой, с разными взглядами, но не думал, что придется так измениться. Надо взять себя в руки...». В другой

раз он рассказывает, как рота сменилась, и они пошли на место отдыха. «Темень – хоть глаз выколи... Дороги толком никто не знает. Идем напролом. Дошли до леса, хватать, а половины людей нет... Хорошо, что ротный нашел их по дороге и привел, а то нет людей. Барановаты люди, хотя я и сам отчасти виноват. Надо было знать, что с таким солдатом надо гораздо осмотрительнее быть».

22 марта Пасха. Это первая пасха не дома. Он пишет, что попостились накануне, вспомнил домашних, не забылась размолвка с ротным, которая его сильно угнетала, а когда все «образовалось» он был очень рад. Николай Брадис описывает как обустроивалось жилье, как со взводом ходили на торжество – раздачу боевых наград «Торжественно и с умилением – батальонный слезу подпустил. Несколько необычная картина – солдаты подтянулись и подравнялись»), дает объективные характеристики офицерам, которых называет господами; о батальонном командире пишет, что тот «забрал к себе один наш взвод для своей личной охраны и продержал его у себя ночь целую, хотя стрельба прекратилась часов в 12». Описывая поведение подполковника В., издевающегося над солдатами, он говорит о нем: «Это какой-то ненормальный тип, ...Садист какой-то». Николай недавно на войне, но очень наблюдательный. «Поели ужина, полурота заняла окоп. Первый шаг в четырехстах – впереди = на переднем берегу бугра, а другой в задних окопах, рядом с ротой. Не понимаю такого нелепого распределения участка – или, если понимаю, то это слишком чудовищно эгоистично».

На третьей неделе у него уже свое видение войны. «Вчера до смены лежал в окопе и старался думать о войне, причинах и смысле ее. Но как-то голова не работает, - ясно только, какая нелепая бессмыслица – война. Постараюсь потом более разобраться в этом, но одно ясно – это вся дикость войны». 30 марта он пишет: «Война всем как я наблюдаю, очень надоела. Уже не говоря о солдатах, в особенности прибывших недавно (странно – но так), и г.г. офицеры жаждут окончания. Энтузиастов кажется не встречается. Уж если завидуют, если кто-нибудь ранен и отправляется домой, если сами жаждут получить как-нибудь рану, не тяжелую конечно. Дух среди солдат не ахти какой геройский. Конечно, восемь месяцев походной жизни со всеми с невзгодами, а в особенности в Карпатах, не может отразиться иначе... Мира ждут с громадным нетерпением... Погода разгулялась – солнышко, тепловато. Зато и другое сразу уже пустил по нас несколько шрапнелей». 31 марта – «Чему только эта война (позиционная, когда приходится по месяцам сидеть друг против друга) не научит: спать без просыпа, есть без отдыха да бездельничать». И в другой раз о войне: «Нелепая вещь война. Какая-то идиотская. Кровавая, бессмысленная, жестокая игра, именно игра». (1 апреля)

Все свободное время Коля использует для чтения газет, журналов, книг, написания писем домой родным и друзьям. Если читать было нечего он очень страдал. «Пока были книги и газеты – читал весь день, а прочел все – только и осталось удовольствие, что спать». Очень часто он повторяет слово «скучно». 27 марта – «Хорошо, что была сегодня книжка новая – почитал ее, а то совсем скучно было бы...». 8 апреля. «Принес Андрей две книжечки – удалось почитать немного. Газету от 29 марта достал еще. Не так скучно было. Как однообразно время идет. Сегодня как завтра (вернее наоборот). До того однообразно, что затрудняешься сказать, было ли это вчера или несколько дней назад». 1 апреля. «Ну и ночка была. Если бы не письма, которые я наконец получил – ура ... было бы совсем швах. С вечера дожди, темень – хоть глаз выколи. Мой блиндаж протекает – капает за шиворот, неприятно. Холодно не холодно, а все же плохо. Часов в 10 приходит в окоп Андрей и тащит два письма. Я скорее из окопа, зажег свечу и читать. От мамы получил открытку от 17 марта. Наспех наверно писала. От Левы Кац получил письмо целое. Узнал про Бост. Жаль. Большая для меня неожиданность. Про Андрея Крет узнал – хорошо, что жив. Кое какие новости узнал и как будто легче стало на душе. И дождь ничего и не холодно. Родным дымком повеяло. Беспокоится мама дома, ну что же. Если придется увидеться, то радостнее будет, а если не судьба – значит так и надо. Что нужно исполнил?».

Пишет Николай и о быте. Здесь и о жилище, где проводят время: (одно из них напоминает «каюту на какой-нибудь барке. Покривилась так что наружная стенка (что с окном) напоминает борт, ручей около шумит – полная иллюзия», а вот изба, где поместился ротный, а Коля поспал немного. «Как давно не спал – на сухом сене в избе на скамейке. Только пол земляной и много всякого прыгающего»; о еде: «Уже третий день, как отказано от стола у ротного командира и перешли на собственный. Ничего, живем». В следующий раз он пишет: «Сегодня нас угощали какой-то рыбой – разнообразие приятное». Ярко встает картинка, когда он описывает, как решил устроить себе «баню – ванну» в такое время. «Как приятно теперь в чистом белье и чистому. Никаких тебе от оных – прочих беспокойства нет».

Описания природы сопровождают весь дневник. Природу он любит и описывает ее с любовью. Здесь он замечает все. 25 марта он пишет: «А погода стоит совсем весенняя, на солнце прямо нельзя лежать, так и печет. Цветы появились, какие-то желтенькие (цветы мать-мачехи, они появляются первые), вроде одуванчика, только меньше. Прилетело много аистов черногузов, как зовут хохлы. Гуси дикие летели мимо. Есть и певчие птички – хорошо, если бы не это постоянное ожидание...». Погода в Карпатах все время меняется. 27 марта пишет: «Погода скверная. С утра холодно было. Потом дожди – он и прекратил

бомбардировку – потом снег с дождем, теперь моросит что-то серо и неприятно. Верхушки гор не видно. Облаками закутаны».

Много интересного можно узнать из дневника. Очень трогательно рассказывает о своем денщике Андрее – парне из Тобольской губернии, о том, как однажды он чудом не попал в плен к «австрияку», о местном населении, высказывая свое мнение о них, о их подневольном житье-бытье, о батюшке-священнике, который обманывает и грабит, о походной церкви, ее устройстве, службы, впечатления от солдат, которые усердно молятся, в особенности, в тех местах, «где дело касается войны, воинов и т.д.» и много других подробностей окопной жизни.

Еще немногим более месяца проживет прапорщик Николай Брадис, а мы читаем о погоде, которая сопровождала наших солдат, о местном населении, которое разделяло с ними тяготы войны, о его резервном батальоне, прошагавшем версты дорог «туды-сюды», так и не вступившего ни разу в бой; как солдаты и низшие чины оставались в неведении, теряясь в догадках, что же на самом происходит на фронтах русской армии.

Последние два дня из дневника Коли, как бы не предвещают ничего плохого.

12 мая, вторник... «Как-то все эти дни отвыкли от выстрелов, будто и не на войне. Читал «В и М». Даже писем некогда написать было, отвлекает чтение, а отвечать некогда. Наконец то Италия окончательно вступила в войну, линию фронта выровняли без выстрелов и их резервный корпус погнало на старое место. «Ну, что же. Тем лучше. Постепенно отвыкаешь от войны, не слышишь выстрелов, читая в сравнительно «комфортабельной» обстановке (как же – палатка, свежий воздух, кровать из четырех рогулек и перекинутый, хороший день, выстрелов нет, знаешь, что впереди еще много наших и нечаенности едва ли могут иметь место).

А нечаенности, в среду 13 мая 1915 г. Последняя запись. «Хорошо. Тихо, спокойно и приветливо. Пролетал аэроплан и довольно низко. Значит что-нибудь будет предприниматься и на этом фронте. Не обстреливали, хотя и можно было бы. Переходим на новое место. Да, я забыл про вчерашний день сказать, что мы опять вернулись на старое место. Охотцы заняли новую линию сохранения, и мы вернулись. Сегодня же переходим на шоссе, поближе к передовым. Нового ничего. Пишу письма во всю. Надо развязаться. Получил от Карла письмо «Интересно выяснить наши...»

Весь дневник Николая Брадиса можно будет прочитать в журнале «Псков», который будем надеяться выйдет во второй половине 2015 г.

Примечания:

1. А. Летавет. Милые сердцу годы. В кн. Вначале жизни школу помню я... Сост. Т. В. Вересова. - Москва, 2003. – 224 с.
2. Документов в фонде не обнаружено.
3. Алексей Садовень – знакомый гимназист по Псковской мужской гимназии.
4. Преподаватель физики в Псковской мужской гимназии.
5. Письмо Николая Брадиса от 13 сентября [1913].
6. Общество Взаимопомощи, существовавшее в г. Пскове.
7. Письмо от 9-16 февраля 1915 г., ф. В. М. Брадиса, д. 592.
8. Калушское небо – местность в Ивано-Франковской области, калушский район.
9. Швах – плохо, скверно.
10. Лева Кацнельсон – вместе учились в Псковской мужской гимназии, первый ученик в классе, сын известного адвоката, закончил гимназию с золотой медалью. В будущем стал известным адвокатом прогрессивного толка. – Август Летавет. Милые сердцу годы... в книге: В начале жизни школу помню я... Составитель Т. Вересова. – Москва, 2003. – 224 с.
11. Андрей Крет – знакомый по Пскову.
12. Роман «Война и Мир» Л. Н. Толстого.
13. Одноклассник по Псковской гимназии.